

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационном исследовании

Беларева Александра Николаевича

«Топос границы в художественном мире Пауля Шеербarta»,

представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 - литература народов стран зарубежья (литература

Европы)

Диссертационное исследование А. Н. Беларева представляет собой первое в российском литературоведении завершенное и целостное научное исследование литературного творчества немецкого поэта, прозаика и драматурга Пауля Шеербarta (1863 – 1915). До представленной диссертации Шеербарт был известен, скорее, как эксцентричная, «пограничная» фигура раннего немецкого авангарда начала 20 века. О нем писали в контексте других видов искусства, литературных тем, направлений и авторов: «архитектуры стекла» и особенно архитектурных проектов Бруно Таута (М. Б. Ямпольский и другие), дадаизма (В. Д. Седельник), неоромантизма (Т. В. Кудрявцева), поэтики немецкого кабаре (Ю. В. Каминская). Таким образом, необходимость исследовать литературное (преимущественно прозаическое) творчество Шеербarta в его эстетическом и мировоззренческом единстве в первую очередь определяет **новизну** диссертации для отечественного литературоведения. Этой серьезной новаторской задачей продиктован выбор исследовательской методологии, которая концентрируется не на жанровых или «направленческих» (неоромантизм, символизм, югендстиль, декаданс и проч.) характеристиках, а на выделении центрального топоса (или мотива) границы, вокруг которого автор выстраивает оригинальную интерпретацию творчества Шеербarta. Другой **существенный аспект научной новизны** работы А. Н. Беларева заключается во введении в научный оборот малоизвестных текстов П. Шеербarta, а также исследований зарубежных специалистов по Шеербарту.

Выбор «лимологической» перспективы для целостного рассмотрения наследия немецкого писателя является оправданным и осознанным решением, продиктованным также **актуальностью** проблемы границы и ее изучения в культуре, особенно в рамках русской культурной и научной традиции с ее специфической чувствительностью к «пограничью» и пограничным феноменам. А. Н. Беларев здесь опирается на авторитетные научные работы по проблеме границы, квалифицированный разбор которых осуществлен на с. 7 – 14 диссертации. Кроме того, общий замысел диссертации органично вписывается в волну научного интереса к мировому модернизму рубежа 19-20 веков, которая держится в российском научном пространстве уже много лет. Обращение к раннему модернизму по-прежнему **актуально** хотя бы потому, что на этом пути российского гуманитария, по идеологическим и политическим причинам надолго отлученного от ряда важнейших исследовательских областей и подходов, по-прежнему ждет немало открытий. Работа А. Н. Беларева – один из примеров такого открытия: оно касается, как пишет сам автор на с. 5, переоткрытия и тщательного изучения во многом забытой традиции немецкой научной фантастики. (В последнем случае мы встречаемся со своеобразным продуктивным противоречием, сопровождающим диссертацию А. Н. Беларева и заключающимся в соседстве в его работе концепций высокого, экспериментального модернистского искусства и популярного жанра научной фантастики).

Автор четко формулирует цели и задачи исследования, состоящего из пяти глав. Эти главы предлагают оригинальную авторскую концепцию философии и художественного творчества Шеербarta. В первой главе, «Экфрасис и граница», как и во второй, «Границы языка», анализируется важнейшая для литературы рубежа 19 и 20 веков проблема соотношения языка и образа. Эта проблема сначала рассматривается в контексте экфрасиса как типа текста, связанного с античной традицией. Экфрасис у Шеербarta исследуется преимущественно на материале малоизвестного романа «Морской змей» (1901) с опорой на работы О. М. Фрейденберг и Н. В. Брагинской о

структуре античной эпфразы. Во второй главе автор прослеживает различные способы взаимодействия языка и образа, а также описывает формы материализации и визуализации вербального начала в текстах немецкого фантаста, от «парящих надписей» в «Ливуне и Каидо» (1902) до экспериментов с глоссолалией, «сигнальным языком» стеклянной архитектуры и книжных иллюстраций к его собственным сочинениям.

Если первые две главы посвящены, скорее, более статичным и описательным аспектам топоса границы, связанным с «безучастным» изучением другого мира (с. 18), то три последние главы анализируют его динамические аспекты, рассматривают процесс пересечения границ в художественном мире Шеербарта. Это «Образы и мотивы генерализации», «Влияние и граница» и «Границы тела и их преодоление». Основным текстом, на материале которого проводится анализ, становится самый известный роман Шеербарта «Лезабендио» (1913). В третьей главе, в рамках семантики генерализации, говорится о космической философии Шеербарта, о метонимическом соотношении части и целого в его произведениях и об основных тропах, выражающих принципы космической метаморфозы, превращения и слияния. Четвертая глава продолжает развивать идеи метаморфозы и метонимического переноса, концентрируясь на феномене влияния у Шеербарта. Методологической основой этого анализа становится концепция влияния известного американского литературоведа Хэрольда Блума. В четвертой главе также следует особо выделить параграф 4.2., «Образы и мотивы, связанные с космическим влиянием», в котором проводится интересная и продуктивная параллель между строительством башни в романе «Лезабендио» и проектами известного русского архитектора и инженера В. Г. Шухова. Отметим при этом, что намеченная в исследовании А. Н. Беларева оппозиция инженера и архитектора может быть дополнена и другими примерами из истории архитектуры, в том числе типологическим сравнением с эссе австрийского архитектора Адольфа Лооса «Орнамент и преступление».

Пятая глава, одна из наиболее удачных в работе, посвящена анализу конструкции фантастического тела в прозе немецкого писателя. Последовательно рассматриваются: символика прозрачности, принципы конструирования фантастических тел-монстров, тип гиперболического «мирового тела» как одна из разновидностей сложносоставного монструозного тела. Последние разделы главы представляют собой обобщение «телесной» практики у Шеербарта. Автор убедительно демонстрирует, что мотивы психофизиологического единства материи и духа навеяны Шеербарту концепциями немецких ученых и философов Густава Теодора Фехнера и Фридриха Ланге. Большое место также уделяется идеям философа и писателя Саломо Фридлендера, одного из последователей Шеербарта.

Таким образом, **содержание рецензируемой диссертации полностью соответствует заявленной в названии теме**. Использованный А. Н. Беларевым материал обработан и систематизирован согласно предложенной автором и описанной нами выше оригинальной концепции. Выводы, как в конце каждой главы, так и в finale всей работы, хорошо продуманы аргументированы.

Научная достоверность и обоснованность научных положений и выводов предопределена достоверным фактическим материалом (в том числе, текстами на немецком языке), его тщательным рассмотрением и самостоятельной интерпретацией, опорой на труды влиятельных отечественных и зарубежных ученых и философов, методологически ясным и уместным подходом к анализу первоисточников и **не вызывает сомнений**. Библиографический список включает в себя 294 наименования. Его состав и оформление свидетельствует о широкой общей эрудиции автора, прекрасном знакомстве с современным состоянием как науки о литературе в целом, так и с исследованиями о Пауле Шеербарте в частности.

Теоретическая значимость диссертации А. Н. Беларева обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это значительный вклад в изучение немецкого литературного модерна и модернизма конца 19 – начала 20 веков.

Анализируя развертывание идеалистического, коллективистского и прогрессистского утопизма в немецкой литературе раннего модернизма через призму текстов Шеербарта, автор обогащает наше понимание этой эпохи за счет отсылки к таким практически забытым или малоизвестным авторам, как Г. Т. Фехнер, Ф. Ланге, С. Фридлендер, К. Лассвиц и другие. Во-вторых, это исторически обусловленное уточнение и углубление концепции границы, выработанной современными науками о культуре, литературе и искусстве. В-третьих, это плодотворное обращение к генезису современной научной фантастики. Несмотря на то, что А. Н. Беларев прямо не причисляет Шеербарта к писателям-фантастам, его диссертация содержит все основания для того, чтобы продолжить изучение особой немецкой ветви немецкоязычной фантастики. Последняя известна нам в большей степени в ее австрийско-пражской версии (Ф. Кафка, А. Кубин, Г. Мейринк, Л. Перуц и др.), тогда как ранняя фантастическая литература Германии, за редкими исключениями (например, Бернхард Келлерман), еще ожидает своих исследователей.

Практическая ценность диссертационного исследования А. Н. Беларева заключается в том, что его материалы могут быть использованы при составлении учебников и учебных курсов по немецкой и зарубежной литературе рубежа 19-20 веков и 20 века, а также по истории модерна, модернизма и фантастической литературы.

Принципиальных возражений против содержания рецензируемой диссертации нет. В то же время, хотелось бы высказать ряд соображений, большая часть которых не носит характер критических замечаний, а скорее, является либо комментарием к диссертации, либо размышлениями о перспективах (или альтернативах) дальнейших исследований Шеербарта.

1. Концептуально диссертационное исследование движется от описания мотивной и топологической структуры прозы Шеербарта (мотивы покрова, космического театра, прозрачности, различные оптические, инженерные и геологические образы и др.) к выявлению философской, мировоззренческой базы его творчества. В результате о философских

истоках мышления Шеербарта мы узнаем частично в параграфе 3.1., «Космическая философия», а основная информация по этому поводу дана в завершающем работу параграфе 5.5. «Теория познания». На мой взгляд, интерпретация философских основ творчества Шеербарта могла быть сконцентрирована в одном параграфе и размещена ближе к началу диссертации (например, в первой главе).

2. Как уже говорилось выше, автор диссертации сознательно не фокусируется на проблемах жанра и направления. Он ограничивается кратким замечанием на с. 4 о том, что «Многие черты творчества Шеербарта сближают его с неороманизмом». На с. 14 автор, впрочем, корректирует свое утверждение: «Творчество Шеербарта можно относить к разным литературным направлениям (символизм, югендстиль, неороманизм, экспрессионизм), тексты - к разным типам и жанрам (утопия, антиутопия, научная фантастика, неомифологический роман)». По-видимому, было бы лучше, если бы автор все же уточнил место Шеербарта в контексте различных стилей и направлений рубежа 19 – 20 веков, - хотя бы в качестве рабочей гипотезы. В данном случае самым приемлемым вариантом, как представляется, будет (не)романизм, поскольку именно он наиболее последовательно из стилевых направлений рубежа 19 – 20 веков сближает столь важный для Шеербарта топос границы с эстетическими категориями фантастического и воображения.
3. Для диссертации также было бы интересным и плодотворным углубиться в сущность постнатуралистического (или антинатуралистического) поворота Шеербарта. В этом контексте можно заметить, как Шеербарт фактически ведет полемику против двух влиятельнейших натуралистических концепций эпохи: социал-дарвинизма и фрейдизма, «переформатируя» как дарвиновскую идею эволюции, так и фрейдовскую концепцию «инстинкта» или «влечения» (Trieb). Автор максимально близко подходит к этой проблематике через концепцию «влияния», но

интерпретирует ее иным образом, обратившись к более поздним теориям американского литературоведа Х. Блума.

Указанные замечания и предложения ни в коем случае не нарушают общее положительное впечатление от рецензируемой диссертации. Она, безусловно, представляет собой самостоятельное, завершенное научное исследование, содержащее ранее не исследованный материал, который А. Н. Беларев впервые вводит в научный оборот.

По материалам исследования опубликована одна монография, одна глава (в соавторстве) в коллективной монографии и девять научных статей, из них три — в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК. Основные положения диссертации также апробированы на восьми научных конференциях.

Автореферат выполнен по всем техническим и оформительским правилам, адекватно отражает основное содержание диссертационного исследования А. Н. Беларева.

Диссертация «Топос границы в художественном мире Пауля Шеербарта», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 - литература народов стран зарубежья (литература Европы) полностью соответствует всем требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г., предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а Беларев Александр Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Европы).

Официальный оппонент:

Ерохин Александр Владимирович
доктор филологических наук (код специальности 10.01.03 –
Литература народов Европы), доцент,

профессор кафедры «Английский язык»

ФГБОУ ВО Ижевский государственный технический университет

им. М. Т. Калашникова

Студенческая ул., д. 7, г. Ижевск, 426069

Телефон: 89127638628

E-mail: erochin@yandex.ru

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в
документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей
обработки не возражаю.

3 июля 2019 г.

Erioxys A. B.

